

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ
И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

А.Г. Вишневский

В России, как и везде, демографическая модернизация стала ответом на кризис традиционных демографических и семейных отношений, вызванный общим модернизационным сдвигом, пришедшимся у нас на конец XIX — начало XX веков. Один из ключевых элементов этого сдвига — снижение смертности. Оно необратимо нарушило традиционное демографическое равновесие и тем самым лишило смысла всю систему отвечавших ему тысячелетних культурных норм и ценностей, открыло путь для глубоких перемен в брачном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном поведении людей.

Эти перемены происходили на протяжении всего XX века и отразились на динамике всех главных демографических показателей (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые характеристики демографической модернизации России

	1897	1927	1939	1959	1989	1997
Доля городского населения (%)	15	18	33	52	74	73
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)						
• мужчины	29,4 ^a	33,7 ^b	34,9 ^b	63,0	64,2	61,0
• женщины	31,7 ^b	37,9 ^b	42,6 ^b	71,5	74,5	73,1
Младенческая смертность	260 ^c	205 ^b	213 ^b	36,6	17,8	17,4
Коэффициент суммарной рождаемости	7,5 ^d	6,73 ^b	4,91 ^b	2,63	2,02	1,23
Чистый коэффициент воспроизводства	1,4 ^d	1,681 ^b	1,367 ^b	1,186	0,953	0,579
Число разводов на 1000 населения	-		0,9	1,4	3,9	3,8
Число аборт на 100 родившихся	-	16	10		206	202
Средний размер семьи (чел.)	5,5 ^e		4,1	3,6	3,2	2,84 ^f
в том числе:						
• городской	4,9 ^e	3,9	3,6	3,5	3,2	2,84 ^f
* сельской	5,6 ^e	5,6 ^e	4,3	3,8	3,3	2,85 ^f
Доля семей с 5 и более членами (%)						
* городских	44,5 ^h	30,4	23,6	20,4	11,2	10,5 ^f
• сельских	64,5 ^h		42,0	29,9	16,4	14,1 ^f
Доли населения в возрасте (%):						
• до 20 лет	48,7	49,0	45,4	36,8	29,9	27,9
• 20-59 лет	44,2	44,2	47,9	54,2	54,8	55,1
• 60 лет и старше	7,1	6,8	6,7	9,0	15,3	17,0

^a 1896-1897 гг.; Европейская Россия в границах РСФСР 1926 г. (1).

^b 1926-1927 гг.; оценки (2, с.164).

^c 1907-1901 гг.; Европейская часть Российской империи.

^d 1896-1897 гг.; Европейская Россия в границах РСФСР 1926 г. без Северного Кавказа (3, с.399).

^e Домохозяйства, связанные родством, без учета лиц, не принадлежащих к составу семейства;

^f 1994 г., данные относятся не к семьям, а к домохозяйствам.

^g 1920 г.

^h Домохозяйства, связанные родством.

И специалисты-демографы, и общественное мнение, наблюдая необычные истремительные изменения демографических показателей, усматривают в них положительные, отрицательные или нейтральные тенденции, нередко сильно расходясь в оценках происходящего. Но в стратегическом плане важны не столько более или менее кратковременные тенденции отдельных процессов, сколько общий ход демографической модернизации, т.е. поисков нового демографического равновесия и нащупывания соответствующих ему ценностей и норм демографического поведения. XX век во всех странах стал временем таких поисков, которые, по-видимому, нигде не завершены. Но в России эта незавершенность намного больше, чем в «западных» промышленно развитых странах, что объясняется отчасти более поздним началом российской демографической модернизации, отчасти же — крайне противоречивым ее характером в советское время, т.е. на протяжении большей части XX века.

Модернизация смертности

Одно из наиболее ярких проявлений демографической модернизации России — огромное увеличение ожидаемой продолжительности жизни к началу 60-х годов. Оно было следствием всей совокупности перемен в экономической жизни страны, сдвигов в характере культуры ее населения, создания современной системы здравоохранения. Быстрые изменения в образе жизни людей, рост их образованности и информированности, а также проведение относительно дешевых, но крупномасштабных санитарно-гигиенических мероприятий по оздоровлению городской среды, массовой вакцинации населения, внедрению эффективных медикаментозных средств способствовали быстрому преодолению СССР, а значит и Россией, этапа «первого эпидемиологического перехода».

Конечно, и этот этап был пройден не сразу. Перед Второй мировой войной ожидаемая продолжительность жизни мужчин в передовых странах колебалась примерно в пределах от 55 до 65 лет, женщин — от 62 до 68 лет. В России, если верить последним оценкам, в 1940 г. она равнялась 36 годам для мужчин и 42 годам для женщин (2, с. 164). Отставание все еще составляло 20 и более лет. Оно стало сокращаться, видимо, лишь в 40—50-е годы, после войны, когда общее ослабление экономической и политической напряженности в стране и некоторые более конкретные перемены и нововведения, такие, как внедрение в практику антибиотиков, позволили поставить под контроль многие внешние факторы смертности, прежде предопределявшие ее очень высокий уровень. Хотя реальная средняя продолжительность жизни многих поколений, попавших под жернова истории и пострадавших в годы демографических кризисов, была очень низкой, смертность в некризисные годы постепенно снижалась. К середине 60-х годов (правда, по официальным, возможно, завышенным оценкам) продолжительность жизни выросла до 65 лет у мужчин и 73 лет у женщин. Отставание России от западных стран по этому показателю сократилось до 2-3 лет у мужчин и стало еще меньшим у женщин. В целом это было достигнуто, благодаря государственно-патерналистской стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, основанной на массовых профилактических мероприятиях, не очень дорогих и не требующих большой активности со стороны каждого.

Однако именно в этот период дал себя знать противоречивый характер модернизационной модели советского образца.

Государственно-патерналистская стратегия борьбы со смертью может быть эффективной только на ранних этапах эпидемиологического перехода, когда преодолевается старая и формируется новая структура медицинской патологии, а значит, и причин смерти. Уже к 60-м годам возможности этой стратегии в богатых и развитых странах оказались исчерпанными. Они вступили в стадию «второго эпидемиологического перехода», выработали новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, и предполагавшей более активное и сознательное отношение к своему здоровью со стороны каждого человека. Значительно выросли и расходы на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

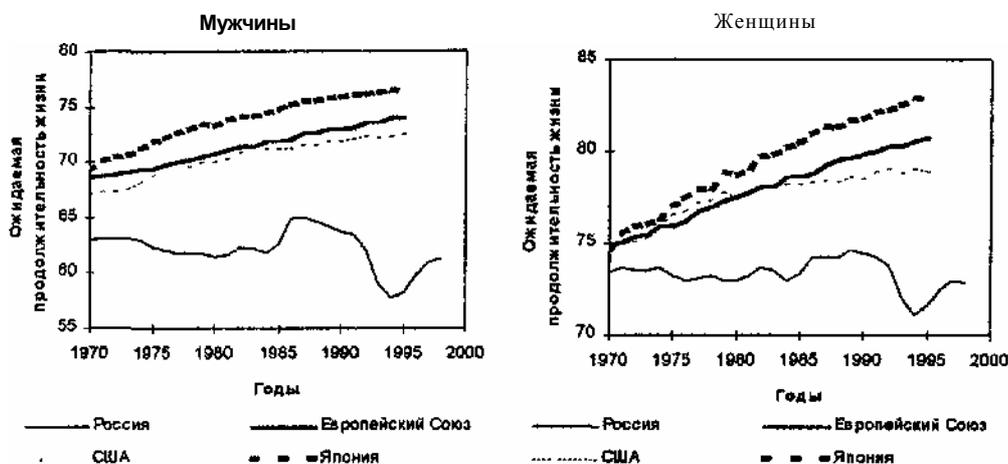
В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, страна стала пробуксовывать на наезженной колее, и ее снова обогнали по уровню ожидаемой продолжительности жизни западные страны, в том числе и такие, которые ранее отставали от России или, подобно Японии, были с ней примерно на одном уровне (рис. 1). В то время, как Япония совершила стремительный прорыв и прочно заняла место страны с едва ли не самой низкой в мире смертностью, Россия вошла в полосу стагнации и полностью утратила свои позиции более или менее современной, с точки зрения смертности, страны.

Главная причина этого отставания заключалась в ограниченном, подчеркнуто инструментальном характере государственно-патерналистской советской модели модернизации смертности. Какое-то время она способствовала развитию материально-технических, научных, организационных предпосылок охраны здоровья и жизни, но не обеспечила кардинального ценностного сдвига, без которого дальнейшее продвижение в деле установления контроля над смертностью оказалось невозможным.

Экономические и политические реальности СССР не способствовали росту ценности жизни, который на Западе шел рука об руку с успехами медицины и здравоохранения и во многом определял индивидуальные и коллективные приоритеты. Советское общество постоянно находилось в напряжении, в состоянии мобилизационной готовности, прошло через неоднократные резкие подъемы смертности, настоящие демографические катастрофы, которые сами по себе противоречили общему смыслу демографической модернизации. Только в результате войн, вспышек массового голода, политических репрессий с начала Первой мировой войны до конца Второй в Российской империи-СССР погибло, не дождавшись естественной смерти, не менее 40-50 млн. чел., миллионы людей были физически и психически искалечены.

Низкая цена жизни воздействовала на всю систему общественных приоритетов, в которой охрана здоровья и жизни находилась далеко не на первых местах. Развитие здравоохранения, выделяемые ему ресурсы зависели от жестко монополизированных решений государства. Никто не знал, сколько денег изымается у него на нужды здравоохранения и сколько действительно тратится на эти нужды, и не мог влиять на расходование средств. В результате централизованного распределения ресурсов здравоохранение, наряду с другими «непроизводственными» отраслями, получало лишь то немногое, что оставалось от предельно милитаризованных «производственных» отраслей. Этот остаток явно не соответствовал масшта-

Рисунок 1
 Изменения ожидаемой продолжительности жизни в России, США и странах Европейского Союза, 1970-1995 гг.

Источники: Демографический ежегодник России 1998. М, 1998. С. 100; WHO-HFA Database 1999; Statistical Abstract of the United States 1998. Washington, 1998. P. 94; Health and welfare statistics in Japan за разные годы.

бам новых задач по охране и восстановлению здоровья, выглядел просто жалким в сравнении с теми ресурсами, которые в это время шли на соответствующие нужды на Западе.

Характерное для советской модернизации сопряжение материально-технологического модернизма с архаичной системой ценностей, безденежными отношениями, ограниченной свободой индивидуального выбора, государственным патернализмом становилось все более противоречивым и заводило все движение в тупик. К концу 80-х годов стало ясно, что неучастие СССР в мировых успехах в борьбе со смертью и связанное с этим новое отставание, все время растущее, — не случайный и временный эпизод, а проявление глубокого кризиса системы, следствие укорененных в ней отсталых, консервативных принципов социального взаимодействия.

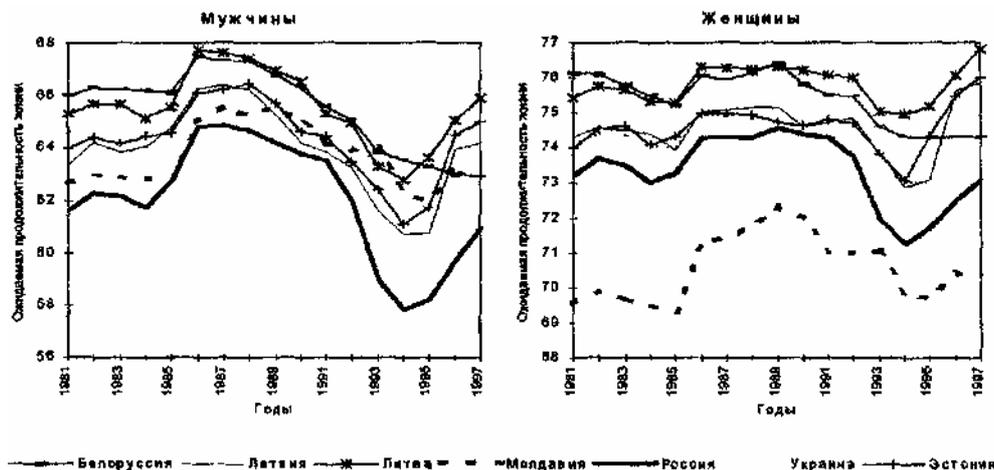
Эти принципы остаются непреодоленными и до сих пор. Пока российское общество так и не смогло перейти к давно назревшему этапу «второго эпидемиологического перехода» и продолжить перестройку структуры медицинской патологии и причин смерти, определяющей уровень общественного здоровья. Отставание от передовых стран еще более усилилось. Модернизация всего процесса вымирания поколений остается незавершенной. С одной стороны, не решены до конца основные задачи ранних этапов эпидемиологического перехода и сохраняется необычно высокая для промышленной страны экзогенная смертность от инфекционных заболеваний, болезней органов дыхания и пищеварения, особенно же от несчастных случаев и травм. С другой же стороны, общество не выработало эффективных средств борьбы с типичной для всех индустриальных стран эндогенной смертностью, в частности, от болезней системы кровообращения (она в России намного более ранняя, чем в Европе, Северной Америке или Японии).

Нынешняя российская модель смертности характерна не только для России, это, скорее, общесоветская модель. Тенденции смертности и продолжительности

жизни сейчас в основном одни и те же во всех постсоветских странах, по крайней мере, европейских, при том, что их экономическое положение, ход реформ и т.п. - не вполне одинаковы. Но сравнение с этими странами показывает, что именно Россия всегда находилась в самом плохом положении и продолжает сохранять это печальное первенство (рис.2).

Рисунок 2

Ожидаемая продолжительность жизни в европейских постсоветских государствах, 1981-1997 гг.

Модернизация рождаемости

Вторым ключевым элементом демографической модернизации стала модернизация рождаемости.

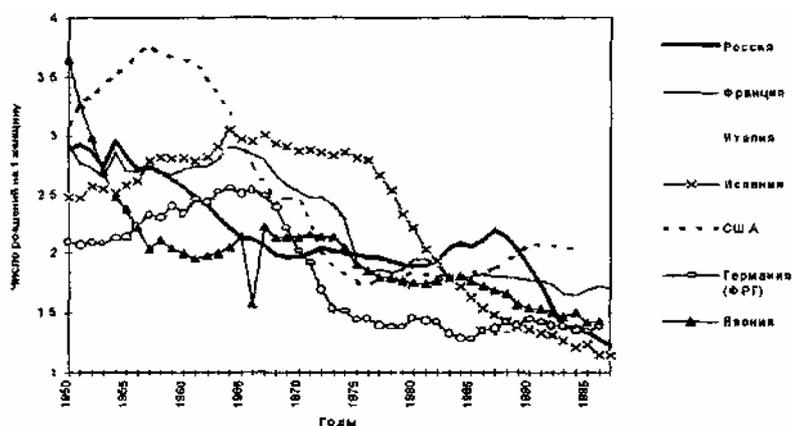
В начале XX века ее уровень в России был одним из самых высоких в мировой истории, но когда отпала высокая смертность, потеряла смысл и высокая рождаемость, а вместе с ней и все культурные нормы, которые были призваны обеспечивать соответствующее массовое демографическое поведение. Эти нормы стали разрушаться, число рождений в семьях быстро снижалось. Однако оценка этого снижения не может быть столь же однозначной, как оценка снижения смертности.

В той мере, в какой снижение рождаемости означало приведение ее уровня в соответствие с новыми условиями демографического равновесия, оно имело несомненный модернизационный смысл, ибо резко расширяло демографическую свободу человека. Советское общество сразу же воспользовалось плодами демографической, а значит, и социальной свободы, расширившейся в результате снижения смертности. Более того, если по темпам снижения смертности Россия все время отставала от Запада, то падение рождаемости шло семимильными шагами, и по ее уровню Россия довольно скоро оказалась в одном ряду с большинством «западных» стран (рис. 3).

Правда, и в западных странах положение не везде одинаковое. Наиболее низок уровень рождаемости там, где его долгое время пытались поддерживать с помощью механизмов внешнего давления — законодательного или идеологического. У слишком авторитарных родителей дети часто вырастают инфантильными, не готовыми к самостоятельной ответственности. То же бывает и с народами. В таких странах, как Германия,

Рисунок 3

Коэффициент суммарной рождаемости в России и некоторых промышленных странах, 1950-1997 гг.

Италия или Испания, где государство или церковь пытались навязывать всем свои ценности частной жизни, после того, как такое внешнее давление отпало, частные лица оказались неспособными самостоятельно ориентироваться в новой демографической ситуации, нужная система ценностей развита меньше, чем где бы то ни было, а уровень рождаемости — самый низкий. В ряду этих стран находится и Россия, а точнее — все постпереходные постсоветские государства. Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония — все они имеют такой же низкий уровень рождаемости, что и Россия, и демонстрируют одинаковую его динамику (рис. 4). Стало быть, снова речь идет не столько о российской, сколько о советской модели.

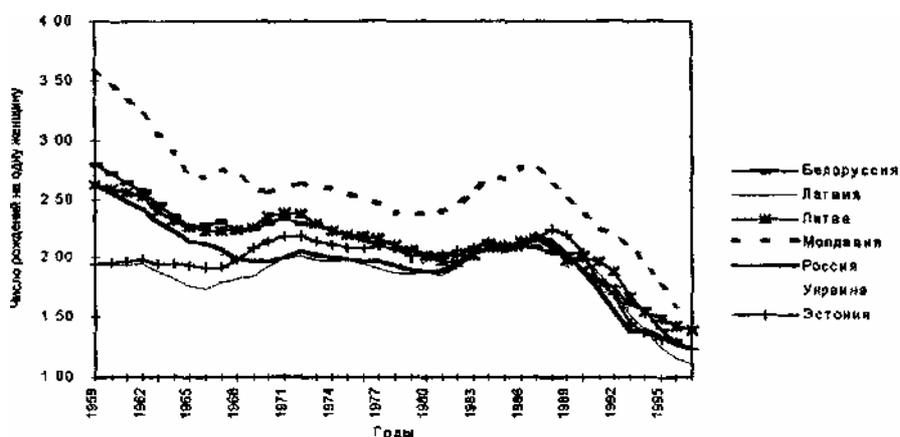
Но такая советская модель, пусть и обладающая некоторыми особыми чертами, по своим количественным параметрам все же не настолько специфична, чтобы не вписываться в более общую «западную» или «северную» модель как одна из ее региональных разновидностей.

Этого нельзя сказать о некоторых качественных сторонах советско-российской модели, в частности, о методах, которые использовались российскими семьями для ограничения числа рождений. Как и во многом другом, в снижении рождаемости в России видны характерные черты догоняющего развития, при котором общество перепрыгивает через целые этапы, пройденные предшественниками, не имея накопленного ими опыта.

Постепенное снижение рождаемости в Западной Европе началось давно, не позднее XVI века. Для этого здесь — задолго до Мальтуса — использовался «мальтузианский» способ откладывания браков, а то и полного отказа от них. «Мальтузианская» стратегия брачности-рождаемости подготовила и облегчила переход к новой, «неомальтузианской» стратегии сокращения рождаемости путем ее намеренного ограничения в браке. Последнее поначалу лишь дополняло старый способ откладывания браков и только постепенно стало его вытеснять.

В России все было по-иному. Выбрать «мальтузианский» вариант она опоздала, ибо никогда не знала поздней европейской брачности. Оставался «неомальтузианский» путь, на который страна сразу же и вступила, хотя на словах все время

Рисунок 4
Коэффициент суммарной рождаемости в европейских постсоветских государствах, 1959-1996 гг.

от него отрецивалась. Очень скоро российское общество стало, по преимуществу, таким же неомальтузианским, как и все западные. Но при этом планирование семьи, сделавшееся повседневной практикой миллионов жителей России, не получило должной институциональной, материальной и правовой поддержки и развивалось стихийно, сбываясь поневоле на самый неэффективный, примитивный и опасный путь, который вел к превращению страны в огромный абортарий.

Строгий запрет аборта, существовавший в дореволюционном российском законодательстве, уступил место его полной легализации в 1920 г. Но правительственное постановление, разрешавшее аборт, было двусмысленным. Аборт никак не связывался с объективной необходимостью планирования семьи, и не ставился вопрос о том, что же может быть альтернативой аборту. С другой стороны, постановление объявляло аборт «злом для коллектива», объясняя «моральными пережитками прошлого и тяжелыми экономическими условиями настоящего» и предсказывало его постепенное исчезновение.* Вопреки этим ожиданиям, аборт не только не исчез, но получил стремительное распространение в течение нескольких последующих десятилетий, при том, что либеральное законодательство в отношении аборта начала 20-х годов сменилось в 30-е годы запретительным и репрессивным.

В этом нет ничего удивительного. Поспешная легализация аборта без понимания истинного смысла этой меры лишь создала иллюзию свободы прокреативного выбора, заблокировав при этом поиски альтернативных путей планирования семьи. Неподготовленность общества к столь радикальному решению, традиционное неприятие намеренного ограничения деторождения родителями вызвали реакцию отторжения — запрет аборта стал частью общей антимодернистской реакции тридцатых годов. Косвенно этот запрет распространился и на контрацепцию: в запретительном постановлении 1936 г., как и в разрешительном 1920 г., ни о какой альтернативе аборту не говорилось, а ссылки на «условия социализма», «повышение материального благосостояния трудящихся», «максимальное развитие

* Об искусственном прерывании беременности Постановление НК здравоохранения и НК юстиции от 16 ноября 1920 г (4, с 63-64)

сети родильных домов, детских яслей, детских садов)* имели смысл только в том случае, если противопоставлялись *всякому* ограничению деторождения. В условиях сталинского СССР это практически исключало любую активность, направленную на развитие контрацепции.

Если аборт можно было запретить, то с демографическими и социальными сдвигами, которые делали планирование семьи объективной необходимостью, нельзя было ничего поделывать. Эта необходимость оказалась сильнее не только закона, но и народной традиции, никогда не приветствовавшей аборты, — иначе не понадобилось бы законодательное запрещение искусственного прерывания беременности в 1936 г. Но и оно не смогло ничего изменить. У миллионов семей часто не было иного выхода, нежели прервать — вопреки закону и вопреки традиции — незапланированную беременность. Отмена в 1955 г. запрета на аборт была лишь признанием повсеместно распространившейся практики. Но при этом снова та же логика, что и в 1920 г. и 1936 г.: аборт — зло, «предотвращение абортов может быть обеспечено путем дальнейшего расширения государственных мер поощрения материнства и мер воспитательного и разъяснительного характера».** В 1955 г. вряд ли кто-нибудь ожидал, что российские женщины снова станут рожать по 8 или 10 детей, но никаких указаний на то, как регулировать число детей иным способом, нежели аборт, и в чем здесь могут помочь «меры поощрения материнства», в Указе 1955 г. нет. По существу, это был указ, подталкивавший к абортам.

Последующие годы не принесли существенных изменений. Советское общество за семь десятилетий своего существования так и не смогло признать до конца права свободного прокреативного выбора женщины и семьи, обеспечить им условия, необходимые для реализации этого права, для свободного, сознательного и безопасного регулирования деторождения. После повторной легализации абортов в 1955 г. их число в России стало стремительно расти, в 60-80-е годы оно превышало 4,5 млн. чел., т.е. было в 2-2,5 раза больше, чем число рождений. «Контрацептивная революция», совершившаяся на Западе и давшая женщинам весьма совершенные противозачаточные средства, миновала СССР, многие его бывшие республики стали рекордсменами по числу абортов, причем первое место неизменно принадлежало России. При примерно одинаковом уровне рождаемости годовое число абортов на сто родов в 1990 г. составляло в России 206, на Украине — 155, в Белорусии — 80, Латвии — 112, Эстонии — 132, Молдавии — 106, тогда как в Швеции оно равнялось 30, Италии — 28, Великобритании — 25, Франции — 22, Финляндии — 19, Германии — 16, Нидерландах — 10 (5, 6). В Европе по числу абортов с Россией могла сравняться разве что только собственно Сербия (без автономий) — 218 абортов на 100 родов в 1986 г. (7).

Все это не означало, что рождаемость в России не модернизировалась, свобода прокреативного выбора родителей не получила общественного признания, а общество — выиграло от расширившейся демографической свободы. При всех неизбежных оговорках, нельзя не признать, что Россия совершила переход от демографического равновесия старого типа (высокая смертность — высокая рож-

* О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовной ответственности за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах. Постановление ЦИКи СНК СССР от 27 июня 1936 г. (4, с. 265).

** Об отмене запрещения абортов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. (4, с. 333).

даемость) к равновесию нового типа (низкая смертность — низкая рождаемость) и что этот переход сделал весь воспроизводственный процесс намного более эффективным и экономичным. В этом и заключался главный социальный выигрыш, который в условиях СССР в очень большой мере был принесен на алтарь «построения социализма», советской мобилизационной экономики. Без него, в частности, невозможен был бы чрезвычайно высокий уровень занятости женщин, которым прославился бывший СССР. Но несомненно и то, что плоды новой демографической и социальной свободы ощутил и каждый человек, что она коренным образом изменила положение женщин и детей, открыла новые, пусть вначале лишь потенциальные, возможности самореализации личности, семейной и личной жизни.

Вместе с тем модернизация рождаемости породила и новые проблемы, решение которых до сих пор не найдено и которые остаются источником беспокойства в России, как, впрочем, и во всех странах, переживших демографический переход. И первая из них — это проблема депопуляции. Хотя теоретически равновесие низкой смертности и низкой рождаемости вполне возможно, практически оно не достигнуто ни в одной из постпереходных стран, рождаемость повсеместно опускается ниже уровня простого замещения поколений, что рано или поздно приводит к отрицательному естественному приросту.

Разбалансирование рождаемости и смертности обнаружилось давно, хотя и отставалось долгое время скрытым от глаз неспециалистов, ибо маскировалось фактическим ростом населения за счет «резервного» потенциала роста, накопленного в возрастной структуре. Но снижение нетто-коэффициента воспроизводства во всех странах указывало на неотвратимое приближение естественной убыли населения. Уже в 60-е годы в Европе образовалась «демографическая воронка» — группа стран, в которых установился режим суженного воспроизводства населения (нетто-коэффициент воспроизводства опустился ниже единицы). Тогда это были почти исключительно республики СССР или страны «социалистического лагеря», Россия была в их числе. Начиная с середины 60-х годов, в России было всего два года (1986 г. и 1987 г.), когда соотношение рождаемости и смертности обеспечивало слегка расширенное воспроизводство населения. Во все остальные годы воспроизводство было суженным.

Постепенно зона суженного воспроизводства расширялась, и в 90-е годы в Европе не осталось ни одной страны с расширенным воспроизводством населения. К этому времени стало давать себя знать и исчерпание потенциала роста населения. В 1992 г., когда естественный прирост в России впервые стал отрицательным, она была одной из 9 европейских стран с естественной убылью населения, в 1997 г. таких стран было уже 14. Большинство из них — бывшие республики СССР или «социалистические страны» Восточной Европы, но в том же ряду — Германия, Италия, Швеция. Число стран с отрицательным приростом населения несомненно будет нарастать.

Причины чрезмерно низкой рождаемости многообразны, но все же ключевым фактором служат, по-видимому, какие-то рассогласования в системе ценностей, которые также непрерывно модернизируются. Перемены в массовом прокреативном поведении стали возможны, благодаря отказу от традиционных ценностей и культурных норм, побуждавших к высокой рождаемости. Разрушать — не строить. Разрушить старую нормативно-ценностную систему намного легче и сделать это можно намного быстрее, чем создать новую. Но если она еще не создана,

если на месте разрушенных норм остается просто пустое место, если они не заменяются новыми нормами, удерживающими демографическое поведение в границах новых объективных требований, задаваемых новым уровнем смертности, то непонятно, что вообще может побуждать людей рожать и воспитывать детей. По-видимому, общество должно выработать какие-то новые нормы поведения, способные остановить падение рождаемости на социально целесообразном уровне. Важно и то, что такие нормы должны соответствовать не только новым демографическим, но и новым социальным условиям, должны в меньшей степени быть экзогенными, опирающимися на внешние санкции, и в большей мере — эндогенными, предполагающими внутреннее убеждение. Нужно, стало быть, развитие такой системы ценностей, в которой дети, семья с детьми занимают среди других ценностей достаточно высокое место, чтобы служить надежным ориентиром при составлении и реализации индивидуальных или семейных жизненных проектов. Судя по всему, подобная ценностная система не выработана пока нигде в мире, что и не позволяет найти удовлетворительного решения проблемы низкой рождаемости практически ни одной из развитых стран.

Модернизация семьи

Вопрос о ценностной основе рождаемости тесно связан с более широким вопросом о судьбе семейных ценностей вообще, ибо изменения в прокреативном поведении людей — одна из главных предпосылок и одновременно — одно из главных следствий модернизационных перемен, охвативших всю область семейных отношений.

Кризис патриархальной семьи, развернувшийся в России в конце XIX — начале XX веков, сделал эти перемены неизбежными. Но как далеко они должны были зайти? Должны ли они были привести к полному краху института семьи или, напротив, к его обновлению и укреплению?

Советский режим довольно быстро разорвал с антисемейной риторикой первых революционных лет, что дало основания Троцкому, одному из главных идеологов этой риторики, писать о «семейном термидоре» в СССР, о «торжественной реабилитации семьи» (8, с. 127), место которой «должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания» (8, с. 121). «Брачно-семейное законодательство Октябрьской революции, некогда предмет ее законной гордости, переделывается и калечится путем широких заимствований из законодательной сокровищницы буржуазных стран» (8, с. 128).

На самом деле, до реабилитации семьи было далеко, произошли лишь некоторые подвижки, призванные устранить антисемейные крайности революционной поры. Заимствования у «буржуазных стран» были не слишком велики. Постепенно утвердившимся в сознании советских граждан *теоретическим* антиподом патриархальной сельской семьи стала не созданная европейской историей автономная, суверенная городская семья, уже пустившая первые ростки в предреволюционной России: она, напротив, критиковалась за «буржуазность», «индивидуализм» и пр. Перед мысленным взором советских идеологов, как и перед мысленным взором Троцкого, витала семья, окруженная патерналистской заботой государства, обстроенная разного рода коллективистскими формами (общественным воспитанием детей, коммунальным бытом и т. д.) — конструкция, напоминавшая идеализированное общинное устройство русской деревни с элементами средневековых утопий Кампанеллы или Кабэ либо антиутопии Замятина.

Все это не только не облегчило модернизацию института семьи, но проложило путь к консервированию его архаичных форм. Советское государство очень быстро отказалось от следования «революционной теории» и во многом стало возрождать ценности патриархальной семьи — со всеми оговорками, которые вытекают из противоречивого характера советской модели модернизации.

Официальная позиция в отношении семьи в СССР никогда не была последовательной. Все определяла социально-политическая конъюнктура. Иногда на первый план выходило морализирование в патриархально-семейном духе, и тогда появлялись запрет аборт, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к «моральному облику» при назначении на ответственные должности, вмешательство «общественности» в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства и многое другое, что хорошо вписывалось в традиционную систему представлений об идеальной, «добропорядочной», по деревенским меркам XIX века, семье и о методах социального контроля над нею. Иногда, напротив, традиционная семейная мораль грубо попиралась, и тогда символом эпохи становился доносчик на собственных родителей Павлик Морозов, а принципы частной семейной жизни становились объектом откровенного глумления: жен заставляли отречься от мужей, детей — от родителей, появлялись термины, вроде «члены семьи изменников родине», «социально опасные дети» и т.д.*

Трудно сказать, чего в действительности хотели советские политики и идеологи и знали ли они это сами. Внутренне они несомненно больше симпатизировали патриархальному принципу *человек для семьи*, а не шедшему ему на смену новому принципу *семья для человека* и поэтому сознательно или бессознательно тормозили утверждение этого последнего. Но и по отношению к старому принципу их позиция была, скорее, разрушительной. Поэтому если возврат к принципу *человек для семьи* и имел место, то он мог быть только частичным и временным. Он был способен притормозить модернизацию семьи, но не остановить ее. Старая патриархальная семья с присущими ей ценностями разрушалась. Но, вопреки представлениям «революционных» теоретиков, семья как институт не отмирала, а лишь видоизменялась: характерная для старой России многодетная, многопоколенная крестьянская семья дробилась и вытеснялась нуклеарной малодетной семьей городского типа.

* В качестве примера государственного маккиавелизма по отношению к семье — из тех времен, когда на каждом Перекрестке можно было прочесть знаменитое заклинание: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» — приведем выдержки из *Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел № 00486 15 августа 1937 г.* «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жён изменников Родине, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года... Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста... Жены осужденных изменников Родине подлежат заключению в лагеря на сроки... не менее 5-8 лет. Осужденные жены изменников Родине, не подвергнутые аресту в силу болезни и наличия на руках больных детей, по выздоровлению арестовываются и направляются в лагерь. Жены изменников Родине, имеющие грудных детей, после вынесения приговора немедленно подвергаются аресту и без завола в тюрьму направляются непосредственно в лагерь. Так же поступать, и с осужденными женами, имеющими преклонный возраст...

При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и... в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД отвозятся.

а) дети до 3-летнего возраста — в детские дома и ясли Наркомздравов;

б) дети от 3-х до 15-летнего возраста — в приемно-распределительные пункты;

в) социально опасные дети старше 15-летнего возраста — в специально предназначенные для них помещения...

Социально опасные дети..., в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик... Наблюдение за политическим настроением детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагается на Наркомов внутренних дел республик, начальников Управлений НКВД краев и областей...»- (9, с.86-93).

Данные, приведенные в таблице 1, дают некоторое представление о количественной стороне этих изменений, но, конечно, еще важнее — качественные перемены. Вследствие индустриализации и урбанизации производственная деятельность вчерашних крестьян, оставаясь источником средств существования семьи, переместилась за ее пределы и превратилась для многих десятков миллионов новых горожан да и для значительной части сельских жителей — как мужчин, так и женщин — в труд за зарплату. Снижение рождаемости сделало возможным почти поголовное вовлечение женщин во внедомашнее производство. Семейные и производственные обязанности отделились друг от друга в пространстве и времени, их сочетание резко усложнилось. Основополагающие функции семьи, ее образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль — все вступило в полосу обновления. К середине 80-х годов массовая российская семья уже очень мало напоминала любой из классических типов крестьянской семьи, на протяжении тысячелетий служившей моделью семьи вообще.

Но новая семья сразу же оказалась перед лицом новых проблем.

Один из главных смыслов демографической и семейной модернизации заключается в переносе центра тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей с институционально-коллективного на индивидуальный уровень: «внешний» контроль со стороны государства, церкви или сельской общины уступает место контролю «изнутри», т.е. самоконтролю, и одновременно резко расширяется свобода индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Коль скоро это происходит, старая система отношений, норм, институтов, приспособленная к прежним методам контроля «извне», оказывается в кризисе.

Низкая и продолжающаяся снижаться рождаемость, все меньшее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов и внебрачных рождений, растущее замещение семейной солидарности солидарностью социальной, эмансипация детей и пожилых, либерализация семейных нравов, гибкость семейной морали — признаки новейших перемен, которые затронули все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности и очень плохо вписываются в казавшиеся незыблемыми тысячелетние нормы человеческого общежития. Везде, где такие перемены дают о себе знать, они нередко воспринимаются как свидетельства тяжелого кризиса современной семьи и даже всего современного общества.

Такому взгляду противостоит стремление к более уравновешенной оценке плодов модернизации. Разумеется, нельзя отрицать хорошо известных проблем, возникающих в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом искусственных аборт, распространением СПИДа и т.п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX века: расширение свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации и т. д. Совокупность происходящих перемен иногда обозначают термином «второй демографический переход» (10). Его смысл усматривают «в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора* и видят в нем

естественный спутник модернизации и демократизации. Поэтому, полагает, в частности, бельгийских демограф Рон Лестег, один из авторов концепции «второго демографического перехода», «то же, что сейчас обуславливает стремление к демократии в Восточной Европе, как и в других частях мира, прокладывает там путь и второму демографическому переходу. Эпоха растущего религиозного и политического контроля над индивидуальной жизнью человека, которая с такой жестокостью утвердилась на Западе со времен Реформации и Контрреформации и которая длилась до второй половины XX века, пришла к концу» (11, с. 350).

В самом деле, в России и в других бывших республиках СССР как позднего советского, так и постсоветского времени налицо все признаки модернистских изменений, свойственных западным странам второй половины XX века о некоторых из них, таких, как резкое снижение рождаемости, уже шла речь выше, более подробно о переменах такого рода говорится в статьях А. Волкова и Г. Бондарской в этом номере журнала.

В частности, перемены очень сильно затронули процесс заключения и распада браков. Снижение смертности значительно уменьшило вероятность прекращения брака вследствие овдовения, и в то же время резко возросла вероятность распада брака из-за развода. На протяжении десятилетий динамика браков и разводов свидетельствовала о растущей матримониальной мобильности населения, которая с неизбежностью расшатывала традиционный пожизненный брак. Это вызывало обычную в подобных случаях морализаторскую критику, рассуждения о «падении нравов», которая затрудняла понимание происходивших перемен во всей их совокупности. В действительности, если учесть долговременное совокупное действие всех изменений в брачной биографии людей на формирование и жизнь семей, то их общий итог был положительным. По сравнению с концом прошлого века, ожидаемая продолжительность жизни в браке выросла у мужчин примерно на 6, а у женщин — на 5 лет (12, с.92). Тем не менее расшатывание привычных способов формирования семьи продолжалось.

Одним из его проявлений стало умножение нерегистрируемых брачных союзов — феномен, пока едва ли до конца осмысленный. В нем может отражаться как действительное «падение нравов» и легкомысленное отношение к супружеским отношениям, так и, напротив, более ответственное отношение к ним, нежелание юридически оформлять не проверенную опытом совместной жизни связь. В обоих случаях они заменяют некоторое количество юридически оформленных союзов, одним из следствий чего может быть отмечаемое статистикой снижение брачности, ибо оно оценивается по данным о зарегистрированных браках.

С распространением незарегистрированных браков связан, по-видимому, и быстрый рост числа внебрачных рождений, хотя, по нынешним европейским меркам, российские показатели кажутся не очень высокими. По доле внебрачных рождений Россия близка к таким странам, как Венгрия или Ирландия, существенно превосходит Грецию, Италию или Швейцарию, но заметно уступает Великобритании или Франции, а особенно — Скандинавским странам. По-видимому, речь снова идет о каком-то универсальном и притом весьма тревожном явлении. Но до сих пор оно не привлекло должного внимания, его причины и следствия не изучены в достаточной мере, и пока трудно сказать, вписывается ли оно как-то в генеральную тенденцию обновления семьи или все же свидетельствует о ее полном крахе и тянет общество «назад к Троцкому», к коллективному воспитанию детей и т.п.

Второй демографический переход — этап демографической модернизации, в который даже продвинутые западные общества вступили сравнительно недавно — в последней трети XX века. Российское общество также прошло по этому пути довольно далеко, что может показаться неожиданным, если учесть типичные для СССР реликтовые семейную идеологию и шкалу ценностей. Но, может быть, в этом сказались коренные особенности демографической модернизации, которая затрагивает буквально каждого и затрагивает очень глубоко.

«Закрутить гайки» семейной жизни в анонимном городском обществе намного сложнее, чем в условиях сельской общины. Живая семейная стихия в таком обществе гораздо меньше поддается тоталитарному контролю, чем, скажем, производство или распределение материальных благ либо поведение людей в служебной обстановке. Конечно, в СССР и семья не была обойдена вниманием тоталитарного государства, в 30—50-е годы семейные свободы были сильно стеснены. Но все же частная жизнь не знала всепроникающего тоталитарного надзора, столь характерного для публичной жизни тех лет, а со временем первой ощутила признаки приближавшейся либерализации. В обществе, которое не признавало свободы торговли, свободы передвижения, свободы слова или печати, свободы совести, семья порой пользовалась довольно большой свободой. Возможно, это было следствием молчаливого компромисса, уступкой, которую тоталитарное государство делало своим гражданам для того, чтобы сохранить за собой контроль в экономике, политике, других областях, казавшихся более важными, и хоть как-то компенсировало отсутствие в СССР многих важнейших гражданских свобод.

Так или иначе, но частная, семейная жизнь в СССР во многих ее проявлениях была более свободной по сравнению как с жизнедеятельностью других социальных институтов советского общества, так и с семейной жизнью большинства людей в недалеком прошлом, в условиях довольно жесткой деревенской цензуры, а порой и с семейной жизнью граждан многих западных стран. Конечно, эта свобода была все же относительной, ограниченной подконтрольностью всех других областей советской жизни. Но постепенно она расширялась. Семья и ее члены, живущие в городских квартирах (все чаще — в отдельных), в анонимном городском пространстве, в возрастающей степени чувствовали свою автономность, придавали все большее значение суверенитету семейной жизни, ее приватному характеру, личному и индивидуальному в ней. Частная жизнь людей, в том числе и привилегированных, верхушечных слоев советского общества, все меньше укладывалась в узкие рамки официальной советской семейной морали.

На этом противоречивом фоне постепенно складывалась новая социокультурная почва, на ней худо-бедно приживались традиции дореволюционной городской, «буржуазной» семьи. Сильно подорванные, они все же не исчезли, сохранившиеся их ростки ожили и окрепли. Несмотря на все трудности и противоречия, советская городская семья развивалась конвергентно с европейской или североамериканской, приобретая, разумеется, и все их проблемы. Такая семья проявляла себя как все более активная структурная единица общества, более целеустремленно отстаивала свои экономические интересы, организовывала свое потребление, материальную среду, в которой она жила, свое жилище, свое времяпрепровождение, лучше осознавала свою ответственность за материальное или служебное благополучие своих членов, их здоровье.

В конце концов, со всеми возможными и неизбежными оговорками, сфера семейного существования оказалась тем заповедным местом, где люди начали вхо-

доть во вкус иной жизни, где с детства признавались уникальность и самоценность личности, свобода индивидуального выбора, правомерность неповторимых и разнообразных семейных мирков. Везде было «Мы», а здесь было «Я». Поэтому городская советская семья, пожалуй, раньше других институтов почувствовала вкус и групповой, и индивидуальной автономии, ощутила необходимость гражданского общества как единственно возможного способа организации частной жизни современного человека.

Вся эта эволюция, как и ее результаты, была достаточно противоречивой. Она шла вразрез с требованиями советской мобилизационной экономики, ограничительно-патерналистскими установками советского общества, тоталитарной идеологией, собственно семейными традициями. Функции, состав, структура семьи были уже новыми, а социокультурные рамки ее повседневного существования еще несли на себе множество следов былой патриархальности, сохранялись сильные пережитки традиционных внутрисемейных отношений, старого распределения половых и возрастных ролей и пр. Свобода выбора в демографической или семейной областях оказывалась нередко достоянием людей с незрелым, «подростковым» сознанием. Все это служило источником новых напряжений и расколов в жизнедеятельности семьи, порой порождало ностальгию по старым добрым временам, давало основания для возрождения консервативных воззрений на семью и возобновления старых русских споров.

Вперед или назад?

Российское общество стремительно вошло в полосу демографического обновления, не будучи вполне готовым к нему. Характерное для России догоняющее развитие вообще постоянно порождало подобные неувязки. Социальные нововведения заимствовались у обогнавших обществ в готовом виде, что позволяло отстающим двигаться быстрее, минуя многие промежуточные этапы и не неся ненужных потерь. В этом — сильная сторона догоняющего развития. Но оно имело и слабую сторону. Заимствованные нововведения переносились на неподготовленную почву, порождая причудливый и нередко не самый удачный сплав старого и нового. Такого сомнительного сплава много еще в личной и семейной жизни россиян, демографической и семейной революциям у нас еще предстоит пройти свои завершающие стадии.

В каком направлении следует двигаться сейчас? Надо ли возвращаться назад, к традиционным добродетелям и прочным моральным устоям патриархальной крестьянской или полукрестьянской-полугородской семьи, постоянно подвергающейся социальной цензуре со стороны соседской общины, церковного прихода либо парторганизации? Или следует двигаться в сторону более свободной и суверенной городской семьи, живущей в соответствии с современными либеральными принципами, хотя и становящейся все более хрупкой, все более проблемной?

И в бывшем СССР, и в нынешней России были и есть люди, связывающие будущее семьи с возвратом, по крайней мере, частичным, к прошлому, к его семейным нравам, к «материнскому призванию женщины» и т.п., причем такой возврат — лишь часть более общей «возвратной» стратегии. Силы традиционалистского реванша неизменно вплетают темы семьи, пола, эротики в общий контекст антимодернистского противостояния и, отказывая в будущем всему настоящему, настойчиво тянут в прошлое. Семейный традиционализм легко переплетается с общеполитическим, подталкивая к

далеко идущим выводам. «В России, — утверждает некий автор, — по аналогии с беспрекословной властью главы семьи — всегда существовала и в государстве склонность к единоличному управлению и, следовательно, ... в ней вряд ли когда-либо привьется буржуазная демократия западного типа» (12, с.43). В 20-е годы были люди, всерьез убежденные, что ребенок принадлежит не семье, а рабочему классу. Сегодня эти идеи освежаются в духе новых идеологических поветрий, старая погудка звучит на новый лад, теперь «дети должны пониматься как общенациональное достояние... Учитывая тяжелое демографическое состояние сегодняшнего дня, начать национальную пропаганду надо как можно быстрее и использовать при этом любые политические и идеологические методы... В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: «нация — все, индивидуум — ничто» (13, с.257).

Не признавая самоценности человека и свободы индивидуального выбора ни в чем, «традиционалисты» не видят им места и в личной жизни, не признают «личного лиризма» и не доверяют ему. «Очеловечивание» эротизма — главное направление развития европейской культуры — кажется им весьма подозрительным. В современной открытой культуре отношения полов они видят лишь «животное», «распущенность», «бесстыдство». Противопоставляется же всему этому не свободное, но одухотворенное чувство, а скрытое от глаз и узаконенное сексуальное насилие прошлого. «Патриотическая эротика патриархальна, — утверждают новые российские патриоты традиционалисты. — Мужчина в ней является основным и главным сексуальным полюсом... через благодать своей самодостаточности и полноты одухотворяет, преобразует и искупает таинством любви женщину... Внутренняя принадлежность к патриархальному, «фаллоцентрическому», мужскому типу эротике и заставляет всех «правых», независимо от специфики их позиций, сходиться в одном — в борьбе с порнографизацией, сексуальной либерализацией и сексуальной революцией в обществе» (14, с.215-217).*

Фаллократическая «патриотическая» мысль также очень легко перебрасывает мостки от своей семейно-эротической мифологии к оправдываемым ею тоталитаризму и «сталинскому империализму», который был вынужден прибегать к насилию и абсурду для осуществления... глубинных эротических позывов имперской нации» (15, с.213, 218-219).

Существует и реальная политическая консервативная оппозиция, пытающаяся действовать чисто парламентскими методами. Еще в 1992 г., вскоре после распада СССР, в Верховном Совете России был подготовлен проект Основ законодательства об охране семьи, суть которого сводилась к тому, что «семья является субъектом права и ячейкой государства». Авторы проекта настаивали на семейной собственности на квартиру, хозяйство, землю и пр. Предусматривалось, что личные доходы каждого члена семьи должны по закону складываться в общий семейный бюджет. Подчеркивалась предпочтительность воспитания детей в семье, а женщинам за домашний труд и воспитание детей предлагалось платить заработную плату. Женщина лишалась права самостоятельно принимать решение о рождении ребенка и т. д. (16).

Проект не получил необходимой поддержки, но сходные проекты выдвигаются снова и снова. Иногда поражая воображение неудержимой фантазией их авторов (например, проект введения многоженства в России), они всегда имеют одну общую черту:

* Эту тему, между прочим, в свое время неплохо эксплуатировал Гитлер. «Нужно освободить всю нашу общественную жизнь от затхлого удушья современной эротики, нужно очистить атмосферу от всех противостественных и бесчестных пороков. Руководящей идеей должна быть систематическая забота о сохранении физического и морального здоровья нашего народа. Право индивидуальной свободы должно отступить на задний план перед обязанностью сохранения расы» (18, с.213)

требуют что-либо запретить, насильно ограничить, навязать какой-либо тип неравенства. Не исключено, что однажды законодатели не устоят перед напором «семейных» лоббистов и в чем-то пойдут им на уступки. Это послужит источником не одной личной трагедии, но мало что изменит по большому счету. Постсоветская семья никак не способна оправдать ностальгические надежды поборников вчерашнего дня. Ее будущее связано, скорее всего, с движением в противоположном направлении — к большей независимости семьи от государства и к большей свободе внутрисемейных отношений. Это движение предопределено одновременно и внутренними императивами эволюции института семьи, и главными ориентациями развития всех современных городских обществ. Незавершенность модернизации, конечно, дает о себе знать в сегодняшней России. Но ведь она не отменяет того, что все-таки было достигнуто, и не дает оснований требовать возврата к прошлому. Напротив, она требует выхода из контрмодернизационного тупика, в который она зашла в последний период советской эры, и дальнейшего продвижения вперед. Надо стремиться не к восстановлению прежнего "внешнего" социального контроля над демографическим и семейным поведением людей (со стороны государства, церкви, соседской общины или партийной организации), а к переносу его с социетального на индивидуальный уровень и развитию сил социального самоконтроля. Только достижение этой цели может привести к завершению демографической модернизации, т.е. к расширению свободы индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека, и одновременно к укреплению сил саморегулирования общества как целого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926-1927 гг. Таблицы смертности. М.-Л., 1930.
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. М., 1998.
3. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.
4. Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958.
5. Российский статистический ежегодник 1997. Табл. 5.66. М., 1997.
6. Recent demographic developments in Europe. Strasbourg, 1998. Individual part.
7. Rasevic M. Thirty years of induced abortion in Yugoslavia. Background document. Conference: From abortion to contraception. Tbilisi, 1990, 10-13 October.
8. Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.
9. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
10. Van de Kaa D.J, Europe's Second Demographic Transition. Population Bulletin, Washington. 1987. (41) 1.
11. Lesthaeghe R. Der zweite demographische Ubergang in den westlichen Landern: eine Deutung. Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 1992. Vol. 18,3.
12. Антонов М.Ф. Ложные маяки и вечные истины: пути выхода страны из кризиса и русская общественная мысль. М., 1991.
13. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
14. Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.
15. Гитлер А. Моя борьба. ИТФ «Т-Око», 1992.
16. Известия. 1992. 25 ноября.